

УДК 82+821.161.1

О НЕЯСНОСТЯХ ЭЛЕГИИ ПУШКИНА

«ПОД НЕБОМ ГОЛУБЫМ...»

Никишов Ю.М.

Поводом к написанию элегии «Под небом голубым...» послужило известие о смерти Амалии Ризнич, бывшей возлюбленной Пушкина. Но самого поэта поразило равнодушие, с которым он встретил эту весть. В статье предпринята попытка объяснить это странное равнодушие. Убедительный ответ можно получить, если доверчиво воспринимать каждое слово текста и видеть элегию в контексте стихотворения «Заклинание», обращенным к А. Ризнич.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, элегия, контекст, весть, равнодушие, память.

ON THE AMBIGUITIES OF ELEGY

“UNDER THE BLUE SKY...” BY A. PUSHKIN

Nikishov Y.M.

The cause for writing the elegy “Under the Blue Sky...” was the death of Amalia Riznich, who was Pushkin's former beloved. The poet was astounded by his indifference to this message. The article attempts to explain this indifference. A convincing answer can be obtained from trustingly perceiving every word of the text and see the elegy in the context of the poem “Adjuration” addressed to A. Riznich.

Keywords: A. Pushkin, elegy, context, news, indifference, memory.

Встречаются стихи, для понимания которых просто необходимо знать их жизненные опоры – повод, обстоятельства написания. В исследовательских подходах окололитературный комментарий тут порой заслоняет само произведение. Приведем пример, когда такого рода перекося приводит к искажению содержания стихотворения.

В двадцатые годы Пушкин не вел дневников, но иногда для себя, где придется, делал памятные записи. Одна из таковых в июле 1826 года знаковая:

«Услышал о смерти Ризнич. 25.

Услышал о смерти Р., П., М., К., Б., 24» [5, с. 17].

Запись сделана на листе с автографом стихотворения «Под небом голубым...», где констатируется неожиданное равнодушие поэта при вести о смерти былой возлюбленной, с которой он давно расстался.

Что означает связка записей о двух горестных известиях? Вполне могло получиться, что сближением двух фактов распорядился господин случай. Пушкин узнает о печальном известии, всколыхнувшем его память. Он пишет стихотворение по этому поводу. На листе автографа оставляет памятную запись. Добавляет запись о казни пятерых декабристов, общественно важном событии, известие о котором получил накануне.

В советские времена укоренилась попытка использовать связь записей как ключ для понимания стихотворения. Такой подход решительно развенчал В.С. Непомнящий: «Объясняли: он <поэт>, мол, тогда же узнал о казни декабристов – до возлюбленной ли тут? Здесь помимо морального безразличия, любопытный принцип позитивистской методологии: все в произведении выводить из окружающих обстоятельств, а от самого текста держаться подальше» [1, с. 205]. Только вот ведь парадокс: других критикуя, исследователь позволяет себе идти тем же путем, извлекая нечто из связки двух записей: «Одно из этих известий его, в момент получения, потрясло, наполнив “великой скорбию”, а другое – нет. Но этому другому посвящена элегия, полная “великой скорби”. А о первом не написано ничего: автор было ринулся, но **гений не пустил, у него были другие планы**» [1, с. 231] (Здесь и далее полужирный шрифт наш – Ю.Н.). «...Его гений, его дар все расслышал и все приметил сразу. “Гражданская” реакция на смерть “друзей, братьев, товарищей” лирически не состоялась, растворилась в его готовности смотреть “на трагедию взглядом Шекспира”... – а реакция духовная, совестливая, оттесненная чувствами “общественными”, клубилась в интуиции, мучила

неосознанностью, невысказанностью, неоформленностью. И вдруг она нашла форму – форму вопроса... – отчего же к этой смерти он равнодушен?» [1, с. 232].

Оказывается, дело не в приеме, а в том, какое содержание с его помощью извлекается. Если еретическое – прием негодный, если богоугодное – вполне хорош. Вот гений – это Божий дар, он проявится и помимо воли поэта. Но ведь знаки-то с плюсами и минусами расставляет человек! По В.С. Непомнящему если духовное понимать как религиозное, ошибки не будет.

А что на практике? Прямая неправда, что «гражданская» реакция поэта «лирически не состоялась»; состоялась – многократно и по-разному: «И.И. Пущину», «Во глубине сибирских руд...» (В.С. Непомнящий цитирует строку «Не пропадет ваш скорбный труд», но уходит от ее оценки, а ведь это пушкинское определение исторического значения события, безотносительно к тому, как сложатся в дальнейшем личные судьбы каторжников и как пойдет ход общественного развития), «Арион» (смысл которого исследователь извращает), «19 октября 1827», «Эпитафия младенцу», «Когда порой воспоминанье...» Мало того: декабристская тема войдет в **печатный** текст «Евгения Онегина» («**Без них** Онегин дорисован» [4, с. 164] – но с мыслями «о них»). Переживание не сразу получило выход на бумагу, но зато потом всякий раз остается непомраченным.

Односторонность есть пагуба мысли, считал Пушкин. А в подтверждение этого принципа приведу пример, на первый взгляд неочевидный.

Пушкин противопоставляет себя поэтам, умеющим сочетать с любовью «горячку рифм», кто «муки сердца успокоил»,

Поймал и славу между тем;

Но я, любя, был глуп и нем.

Прошла любовь, явилась муза,

И прояснился темный ум [4, с. 17].

В окружении заведомо шутливых рассуждений возникает признание искреннее, сокровенное, отчасти пророческое: имеется возможность убедиться

в справедливости этих слов. Так, известный «воронцовский» лирический цикл стихов создан в основном не в период непосредственного общения поэта с адресатом этих стихов, но позже, в разлуке; такая причуда музы объяснена в стихотворении «Желание славы» (что нисколько не противоречит признанию в «Евгении Онегине»). Высказывалось недоумение, почему пушкинский шедевр «Я помню чудное мгновенье...» посвящен женщине, которая не вызывала глубокой страсти у поэта, а невесте посвящен довольно холодный сонет «Мадонна»; по уподоблению живого чувства поэтическому вдохновению получалось, что будущую жену поэт любил совсем мало... Напротив, живое чувство и поэтическая страсть у Пушкина сочетаются в обратном пропорциональном отношении либо между ними необходима существенная дистанция. «Онегинский ключ» помогает решить эту загадку.

Однако парадокс состоит в том, что иронично поданный образ удачливого поэта, успокоившего стихами свое сердце, да еще и поймавшего славу, оказывается вовсе не лицом посторонним: такой путь тоже встречается в пушкинской творческой практике. Вспоминая в письме Бестужеву 29 июня 1824 года о своей влюбленности, Пушкин замечает: «Я обыкновенно в таком случае пишу элегии, как другой мажет - - - свою кровать» [6, с. 75]. Далее речь идет о проникновенной элегии «Редет облаков летучая гряда...»

Где же истина, ибо два подхода исключают друг друга? Но два подхода не могут бытовать одновременно – и, выясняется, могут сосуществовать, чередуясь по вольной прихоти поэтического вдохновения. Тут еще один случай убедиться в широте пушкинской природы, в игре по правилам – и без правил. Интересно, что в «Евгении Онегине» два подхода к претворению жизненного переживания в поэтическую картину персонифицированы и противопоставлены, но истоки обоих – в творческом опыте самого Пушкина: «я» и «не я», по выяснении, уравниваются. Таким образом, наличие прямой формы высказывания от «я» еще не гарантирует биографической идентификации таких высказываний, равно как в «чужом» можно увидеть «свое». Необходима проверка, и в качестве таковой может выступать

соотнесение отдельных суждений с их контекстом, с системой реально установленных пушкинских ценностей, с идеалом поэта.

Так что нет прямой зависимости совершенства поэтического текста от силы и глубины человеческого переживания: у Пушкина всякое бывало. Памятные записи констатационны, в них нет эмоций, так что и нам гадать опрометчиво, которая переживалась острее (вдруг бы да угадали, только нечем подтвердить, что угадали).

Как быть? Прямой и разумный путь предлагал В.С. Непомнящий: «Ну, а если заглянуть все-таки в текст? – есть же в нем, наверное, свой порядок, логика, постройка, связи символов...» [1, с. 205]. Заглянуть, видимо, маловато, давайте держать текст перед глазами.

*Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть.
Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть
И равнодушно ей внимал я.
Так вот кого любил я пламенной душой
С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы, в душе моей
Для бедной, легковерной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени [2, с. 297].*

Что в этом стихотворении воспринимается очевидным, бесспорным? Истина факта: Амалия Ризнич увезена мужем из Одессы на родину (где через год скончалась; еще год истек, пока весть об этом дошла до поэта). Описание

поэтом своего бывшего напряженного и мучительного чувства: для нас важно именно авторское свидетельство, и нет надобности сверять его с тем, что было на самом деле (да и как такую сверку сделать?). Еще – сообщение, что новую весть услышал «из равнодушных уст». Это воспринимается совершенно естественным, если полагать информатора человеком отнюдь не из числа поклонников Ризнич, но наслышанного сплетен, роившихся вокруг известной в свете женщины.

Зато сам поэт удивлен своему равнодушию, с каким он принял горькую весть. Читатель разделяет это удивление, особенно на фоне описания былых страстей. Самое важное, что текст дает внятный в принципе, но не ясный в подробностях ответ на возникший естественный вопрос: «Так вот кого любил я пламенной душой...»

В.С. Непомнящий, предложивший искать опору в тексте, находит именно этот ответ! Вот только толкует его – иначе не сказать – чудовищным образом: «...не живая душа предстала ему, а женщина во плоти, которую он страстно любил, только теперь она мертвая. В таком случае понятно, что значит: “Так вот кого любил я...” Так вот что я любил... Взгляд на труп» [1, с. 212]. Подобное просто невозможно себе представить. Факт смерти не может кардинально менять отношение к этому человеку! Напротив, не так уж исключительны предпочтения, когда человек хранит ушедшему близкому верность до своего конца (потому что не проходит прежнее чувство).

Исследователь был близок к единственно верному истолкованию пушкинской строки: «Что означают слова: “Так вот кого...”? Ведь мы говорим так, когда узнаем о ком-то нечто заставляющее изменить свое отношение к этому человеку, свой взгляд на него, нечто неожиданное, может быть, страшное: так вот кто это!» [1, с. 207]. Правильно! Но В.С. Непомнящему не нужен человеческий опыт. Стихотворение приспособляется к восприятию религиозного человека: «Это высшее “я” человека рыдает над низшим, это скорбит о нас Царство Божие, что *внутри нас есть*, скорбит Бог, который есть любовь. Элегия не говорит этого, она это *являет* – клубящаяся стихия

мыслящего человечества, вихрь духовных ощущений, для самого автора покамест лишь отчасти постижимых» [1, с. 215] (Здесь и далее в цитатах курсив В.С. Непомнящего – Ю.Н.). Вот ведь: исследователь владеет истиной, которой не вполне владеет поэт!

«...и верно... уже летала» – повергает в трепет категорической достоверностью *факта* (только задним числом постигнутого: я еще не знал, а она *верно уже летала!*)... а он, даже узнав об этом, не только не воззвал, нет, даже и не почувствовал ничего кроме равнодушия» [1, с. 205]. А ведь во фразе «верно уже летала» «верно» – не утверждение («наверняка»), а всего лишь, хоть и не выделено кавычками, вводное слово («вероятно»). Но вычитывается то, что хочется. И вероятное (по чьим-то убеждениям) преподносится как категорическая достоверность.

Для убедительности дается отсылка к «Заклинанию». Почерпнутая тут фраза «сомненьем мучусь» развертывается: «Каким сомнением, в чем? Сама необъясненность слова говорит о том, что оно и так должно быть понятно: сомнение, без дополнений и определений, есть, в сущности, термин: религиозное сомнение: есть ли Бог? есть ли жизнь там? есть ли бессмертие души? – все то, что мучило его в лирике начала 20-х годов...» Расшифровка возражений не вызывает, а вот выводы предстают явно натянутыми: «Он просит *ее* ответить на эти вопросы – любым явлением, любым образом:

Мне все равно: сюда, сюда!

Вопрос о любви оказывается един с вопросом веры» [1, с. 217]. Но и этот вывод делается на прямом противостоянии тексту. Поэт заявляет: «Зову тебя... / **Не для того**, что иногда / Сомненьем мучусь...» [3, с. 182] (и хочу это сомненье разрешить), а чтобы сказать о сохраняющейся (к ней!) любви. А у В.С. Непомнящего жестко: если любит – значит верит.

Между тем в 1830 году сомнений у Пушкина ничуть не меньше, чем в пору элегии «Под небом голубым...» Мольба-призыв к милой тени происходит на фоне очень важного условия:

О, если правда, что тогда

Пустеют тихие могилы, –

Я тень зову, я жду Леилы:

Ко мне, мой друг, сюда, сюда! [3, с. 182].

Образ тени как формы посмертного существования человека – спутник поэта еще с лицейских времен: это образ больше поэтический, чем религиозный. Тут над ним висит суровое условие: если правда... Ну и как: получил поэт ответ на свой вопрос?

Зато «Заклинание» помогает понять восклицание элегии «Под небом голубым...» «Так вот кого...». Здесь такой текст:

Зову тебя не для того,

Чтоб укорять людей, чья злоба

Убила друга моего... [3, с. 182]

А это признание позволяет судить, что поэт от информатора получил не сухую весть, а и добавление о каких-то поступках женщины, что оказалось способным заслонить память о пылких страстях. Что произошло за минувшие годы? Получил ли новые сведения – что бывшая возлюбленная оклеветана? Или просто сумел понять ее, а понять – значит простить... Тогда устыдился своего стихом закрепленного равнодушия, а в нем ворохнулась уже ни ему, ни ей не нужная любовь...

Список литературы:

1. Непомнящий В.С. Пушкин. Русская картина мира / Пушкин в XX веке: ежегодное издание Пушкинской комиссии. Т. 6. М.: Наследие, 1999. 542 с.
2. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука. 1977-1979. Т. 2: Стихотворения, 1820-1826. 1977. 399 с.
3. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука. 1977-1979. Т. 3: Стихотворения, 1827-1836. 1977. 495 с.
4. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука. 1977-1979. Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения. 1978. 527 с.

5. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука. 1977-1979. Т. 8: Автобиографическая и историческая проза. История Пушкина. Записки Моро де Бразе. 1978. 415 с.

6. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука. 1977-1979. Т. 10: Письма [1815-1837]: примеч. Л.Б. Модзалевского., И.М. Семенко. 1979. 711 с.

Сведения об авторе:

Никишов Юрий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета (Тверь, Россия).

Data about the author:

Nikishov Yuri Mikhailovich – Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian Literature History Department, Tver State University (Tver, Russia).

E-mail: yunik1932@mail.ru.